

— Это картина, которую я нарисовала в свободное время. Сегодняшнее испытание будет основано на ней. Ваша задача — создать картину на ту же тему! Победу одержит тот, чья работа окажется наиболее близка к моей. Кроме того, вы должны будете написать на своей картине четыре иероглифа в качестве названия, и тема должна совпадать с моей.

Литераторы внизу переглянулись. Задание казалось чересчур простым, но, поразмыслив, они согласились: Цзинь Сиюнь всё же происходила из семьи воинов, а не из учёной династии, так что вряд ли могла предложить что-то сложное. Все потирали руки в предвкушении, готовясь блеснуть талантами.

Однако, когда свиток развернули, все остолбенели. На картине не было ни слив, орхидей, бамбука или хризантем, ни горных хребтов, ни великих рек... На тщательно оформленном полотне зияла лишь одна вещь — пустота...

Сыту повернулся к Хуан Баньсяню и прошептал:

— Эта девчонка не только некрасива, но и глупа. Что можно нарисовать на пустом месте?

Хуан Баньсянь внимательно посмотрел на картину и, поняв суть, сказал Сыту:

— Задание госпожи Цзинь превосходно. Хотя она и из семьи воинов, но действительно... — Не успел он закончить похвалу, как Сыту схватил его за волосы. — Ты что, её хвалишь? Говорю же, обычная девчонка, много ли с неё взять? Не смей хвалить!

— Ладно... не буду... — Сяо Хуан выдернул прядь, мысленно ворча, что Сыту совершенно несправедлив: самому не нравится, так и другим хвалить запрещает.

Остальные присутствующие также выражали недоумение.

Слуги поднесли к каждому столу «Четыре драгоценности кабинета» — кисть, тушь, бумагу и тушечницу.

— Время — половина палочки благовоний, — объявила Цзинь Сиюнь, зажигая в курильнице половину ароматической палочки. — Начинаем.

Сыту подвинул кисти, тушь, бумагу и тушечницу к Хуан Баньсяню.

— Давай, ты справишься?

Хуан Баньсянь взял бумагу и кисть и тихо кивнул.

— Угу.

Затем он открыл тушечницу, подлил немного воды и начал медленно, с нажимом растирать

тушь.

Сыту, подперев подбородок рукой, с интересом наблюдал за действиями мальчика.

Растерев тушь, тот разложил бумагу, прижал её углы пресс-папье, заточил кончик кисти, обмакнул её в тушь и поднял.

Мальчик встал, слегка наклонившись вперёд, одной рукой держа кисть, а другой придерживая рукав, и начал рисовать.

Сыту с любопытством следил за его работой, и чем дольше смотрел, тем больше недоумевал. Что это за чертовщину он вытворяет?

Хуан Баньсянь закончил несколько штрихов, снова обильно обмакнул кисть в тушь и вывел четыре иероглифа.

Сыту, хоть и не был знатоком изящных искусств, мог оценить, что эти иероглифы были невероятно красивы, сильны и гармонировали с картиной.

Сяо Хуан отложил кисть и сел как раз в тот момент, когда половина палочки благовоний догорела.

Из девяти столов лишь за двумя — где сидели Хуан Баньсянь и красивый мужчина в белом — что-то написали. Остальные сдали пустые листы.

Князь цянского племени возмущённо закричал:

— Да что тут рисовать-то? Пустота на пустоту — и не ошибёшься!

Цзинь Сиюнь покачала головой и улыбнулась:

— На самом деле, это задание не я придумала. Мне его когда-то дал Истинный муж с гор Тайхан во время моего путешествия. Ответ так никто и не нашёл... Поскольку господин Сяо и глава Сыту представили свои работы, давайте послушаем их объяснения.

Служанка развернула картину господина Сяо. На ней были изображены плывущие облака, но не было ни единой надписи.

Хуан Баньсянь вопросительно посмотрел на Сыту, словно спрашивая: «Кто это?» Сыту ухмыльнулся:

— Его зовут Сяо Лююй, он из Цзяннани. Его Водная крепость Семи Звёзд — вторая по влиянию в мире боевых искусств после моей Крепости Чёрного Облака. Он контролирует судоходство в

районе Цзянсу и Чжэцзяна, а также является единственным наследником школы меча семьи Сяо. Взгляни на его лицо — зовут Первой красотой мира боевых искусств.

Хуан Баньсянь кивнул, а Сыту дёрнул его за волосы и рассмеялся:

— Но он всё равно не сравнится с тобой в красоте.

Лицо Сяо Хуана залилось краской, и он опустил голову, игнорируя поддразнивания.

Сяо Лююй слегка покачал головой и обратился к Цзинь Сиюнь:

— Я не нашёл ответа.

Цзинь Сиюнь взглянула на облака на картине и сказала:

— На самом деле, то, что нарисовал господин Сяо, совпадает с моими долгими размышлениями. Изначальная картина была о «белом», а «облака» помимо цвета также разделяют с «белым» значение «говорить». Но самое сложное — это четыре иероглифа. Как их ни напиши, они не передадут идею «белого».

— Тогда давайте взглянем на работу главы Сыту, — Сяо Лююй бросил взгляд на стол Сыту, обращаясь к нему по титулу, но его глаза были прикованы к застенчиво опущенной голове Хуан Баньсяня. — Надеюсь, нас ждёт приятный сюрприз.

Служанка развернула свиток. Все увидели, что Хуан Баньсянь изобразил грудку камней, а надпись гласила: «Грудка камней как облака».

Собравшиеся долго разглядывали картину, и несколько человек рассмеялись, поскольку ответ Хуан Баньсяня казался совершенно не соответствующим теме. Однако лицо Цзинь Сиюнь озарилось восторгом, а Сяо Лююй, замерший на мгновение, принялся хлопать в ладоши, восклицая:

— Исключительно остроумно! Признаю поражение, признаю поражение.

Сыту тихо спросил Хуан Баньсяня:

— Книжный червь, в чём же смысл?

Хуан Баньсянь наклонился к нему и что-то быстро прошептал на ухо. После чего Сыту рассмеялся.

— Позвольте признаться в своём невежестве... — Князь Жуй сложил руки в почтительном приветствии в сторону Сыту. — Не соблаговолите ли вы, глава Сыту, разъяснить нам суть?

Сыту легонько ткнул ногой в табурет Хуан Баньсяня.

— Объясняй.

Взоры всех немедленно устремились на Хуан Баньсяня. Мальчик тут же почувствовал себя неловко. Он посмотрел на Сыту.

— Ты... ты объясни...

Сыту пристально взглянул на него и тихо прошипел:

— Книжный червь...

Сяо Хуан вздрогнул, затем, глубоко вздохнув, прошептал:

— Это... использовано значение «облаков» как «белого». Груда камней... это и есть «белый».

Князь Жуй кивнул и с улыбкой произнёс:

— Действительно, высочайшее мастерство. Благодарю за наставление.

Несколько человек за другими столами не поняли и загалдели:

— Какая связь между грудой камней и белым?

Князь цянского племени весело гаркнул:

— Говори громче, учитель! Жужжишь, как комар. Смотри-ка, какой ты изящный! Может, ты и впрямь девушка, переодетая мужчиной?

Его слова вызвали взрыв смеха и одобрительные возгласы. Все принялись разглядывать внешность Хуан Баньсяня, восхищённо ахая.

Мальчик, и так застенчивый, теперь готов был провалиться сквозь землю. Его руки под столом судорожно сжимались, а лицо пылало, как вечерняя заря, вызывая одновременно жалость и восхищение.

Сыту холодно усмехнулся и едва заметно взмахнул рукавом. Раздался треск — табурет под князем цянского племени мгновенно разлетелся на щепки. Тот, будучи грузным, с грохотом рухнул на пол, ударившись копчиком об острые обломки.

— А-а-ай! — взревел он, ругаясь от боли.

Остальные немедленно отвели взгляды, прекрасно понимая, что с Сыту лучше не связываться. Цзинь Сиюнь улыбнулась и сказала:

— Позвольте мне объяснить за молодого учителя. Иероглиф «камень» состоит из тех же черт, что и «белый», различия лишь порядок написания. Если «нарушить» порядок черт в иероглифе «камень» и поместить горизонтальную черту внутрь «рта», получится «белый»!

Увидев, что все прояснилось, Цзинь Сиюнь объявила:

— Победителем сегодняшнего испытания становится глава Сыту! — Затем она мило улыбнулась Хуан Баньсяню.

Тот тоже вежливо улыбнулся в ответ, но улыбка замерла, едва начавшись, — Сыту вцепился ему в волосы.

Мальчик вздрогнул от боли и с обидой посмотрел на обидчика.

— За... что?

Сыту злобно прошипел:

— Маленький негодник, не смей на других так смотреть и улыбаться!

Сяо Хуан надул губы и опустил голову, всем видом показывая обиду.

Сыту наклонился к нему и тихо прошептал:

— Книжный червь... Две тысячи книг. Куплю, когда вернёмся. И новую библиотеку тебе устрою.

Лицо Сяо Хуана тут же просияло. Он поднял глаза на Сыту.

— Правда?

— Конечно, — Сыту, довольный сияющей улыбкой мальчика, взял его за руку. — Пошли.

После того как Сыту с триумфом выиграл литературное испытание, он повёл Хуан Баньсяня обратно в свой гостевой дворик.

Честно говоря, всякий зрячий понимал, что этим соревнованием за руку и сердце Сыту уже практически завладел. Ведь если говорить о боевом мастерстве, то кого из оставшихся восьми, да и вообще во всём мире боевых искусств Центральных равнин, можно было поставить вровень с Сыту?

Таким образом, шансы Сыту на победу были не просто высоки, а практически стопроцентны.

Цзинь Хэмин объявил, что боевое испытание состоится через два дня, также на вершине, в усадьбе Журавлиного Крика. В эти два дня все участники могли свободно гулять по горе Журавлиного Крика, а также вдоволь побродить по уездному городу Даи — все расходы брала на себя усадьба.

<http://bllate.org/book/15274/1348290>